

Рябина Марианна Владимировна

ПЕЙЗАЖНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ВОСПРИЯТИИ МУЖСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ В МАРИЙСКИХ ПОВЕСТЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Статья посвящена рассмотрению пейзажного пространства в восприятии мужскими персонажами в марийских повестях второй половины XX века, посредством которых раскрывается сложный мир человеческих эмоций, дум и чувств. Проанализированы также возможности создания основных типов мужского этнического характера, гендерного сознания и поведения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/1-1/15.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 1(55): в 2-х ч. Ч. 1. С. 57-60. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. **Анненков Ю. П.** Дневник моих встреч. Цикл трагедий: в 2-х т. Нью-Йорк: Международное литературное содружество, 1966. Т. 1. 348 с.
2. **Анненков Ю. П.** Дневник моих встреч. Цикл трагедий: в 2-х т. Л.: Искусство, 1991. Т. 1. 343 с.
3. **Анненков Ю. П.** Дневник моих встреч. Цикл трагедий: в 2-х т. Л.: Искусство, 1991. Т. 2. 303 с.
4. **Анненков Ю. П.** Повесть о пустяках. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2001. 576 с.
5. **Бабенчиков М.** Художник и чорт // Анненков Ю. П. Портреты. Пб.: Петрополис, 1922. С. 59-114.
6. **Белова В. М.** Дискурсивные слова в мемуарах монтажного типа: семантика, функции, прагматика: дисс. ... к. филол. н. Череповец, 2011. 187 с.
7. **Варшавский В. С.** Незамеченное поколение. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1956. 387 с.
8. **Обухова И. В.** Графические портреты Юрия Анненкова: дисс. ... к. искусствоведения. М., 2005. 348 с.
9. **Обухова И. В.** Коллажная графика Ю. П. Анненкова // Русский авангард 1910-1920-х годов: проблема коллажа / ред. Г. Ф. Коваленко. М.: Наука, 2005. С. 142-159.
10. **Одоевцева И. В.** На берегах Невы. Washington: Victor Kamkin, 1967. 492 с.
11. **Струтинская Е. И.** Все хорошее – с Арбата // Вопросы Анненковедения. 2005. № 28.
12. **Темиряев Б.** Домик на 5-ой Рождественской // Современные записки. Париж. 1928. № 37. С. 196-223.
13. **Энциклопедия Кругосвет** [Электронный ресурс]. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/izobrazitelnoe_iskusstvo/KOLLAZH.html (дата обращения: 25.11.2015).

THE PECULIARITIES OF ARCHITECTONICS OF YURY ANNENKOV'S "THE DIARY OF MY MEETINGS"

Radchenko Mariya Mikhailovna
Lomonosov Moscow State University
marmihradchenko@gmail.com

The article deals with the structure of "The Diary of my Meetings" by Yu. Annenkov. The attention is paid to the extensive inclusion in the composition of "The Diary" of the fragments of the texts created by the artist's contemporaries. In addition, the author makes an attempt to explain the ambiguous genre nature of the book and to identify the tools through which Yu. Annenkov, despite the abundance of the constituent elements, managed to achieve its internal integrity.

Key words and phrases: Yu. Annenkov; "The Diary of my Meetings"; architectonics; collage; montage; memoirs.

УДК 821.511.151

Статья посвящена рассмотрению пейзажного пространства в восприятии мужскими персонажами в марийских повестях второй половины XX века, посредством которых раскрывается сложный мир человеческих эмоций, дум и чувств. Проанализированы также возможности создания основных типов мужского этнического характера, гендерного сознания и поведения.

Ключевые слова и фразы: марийская литература; повесть; пейзажное пространство; мужской персонаж; гендерно-психологический аспект.

Рябинина Марианна Владимировна
Марийский государственный университет
mari.riabinina@yandex.ru

**ПЕЙЗАЖНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ВОСПРИЯТИИ МУЖСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ
В МАРИЙСКИХ ПОВЕСТЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА**

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00043.

Одним из важных компонентов в марийских повестях второй половины XX в. является пейзаж, в основе которого природная жизнь, становящаяся объектом психологического восприятия человека; пейзаж углубляет эмоциональное звучание произведений, предоставляет возможность глубже передавать основное настроение, показывать сложный внутренний мир человеческой души.

В современном литературоведении о глубокой и неразделимой связи человека с природой представлены разные видения. По мнению Е. Н. Себиной «пейзаж, каким его видит герой, раскрывает его психологическое состояние» [7, с. 264]. С ней соглашается И. Ж. Сарсенова, которая отмечает, что «смысловое значение пейзажа заключается "в служении инструментом объективизации" внутреннего состояния героев» [6, с. 251]. Как полагает И. В. Великанова пейзаж выступает в повести «эмоциональным камертоном», «позволяющим автору глубоко мотивировать психологическое состояние героя и одновременно раскрывать существенные особенности его мировоззрения» [3, с. 52].

Целью данной статьи является выявление внутреннего восприятия природы мужскими персонажами в марийских повестях второй половины XX в. Гендерно-психологический аспект пейзажного пространства в указанном жанре и, в целом, в марийской литературе, до настоящего времени остается неисследованным.

Между тем его изучение необходимо, ибо гендерно ориентированные оценки «персонажем окружающего мира и саморефлексия составляют психологическую линию сюжета и придают драматическую глубину характерам персонажей и повествованию, в целом», по ним «можно судить о динамике гендерных и этногендерных ролей и стереотипов в обществе, а также об изменении алгоритма художественного их осмысления» [5, с. 91] во всей марийской литературе второй половины XX в.

Анализ восприятия природного пространства в повести позволяет вычлениить основные типы мужского этнического характера и гендерного сознания и поведения, создаваемые с помощью разных приемов психологического изображения.

Наибольший интерес с точки зрения использования пейзажа в психологической функции представляет творческий опыт Ю. Артамонова. Писатель обладает умением тонко «чувствовать» окружающую действительность, глубоко проникать во внутренний мир героев, подробно описывать, анализировать различные состояния человеческой души.

В повести Ю. Артамонова «Когда поет жаворонок» / «Кайык ўжын ужата» пейзажные описания в сочетании с различными психологическими деталями вызваны авторским вниманием к сложнейшим психологическим процессам, протекающим в сознании героя-фронтовика Григория Якимовича, волею судьбы оставшегося в военные годы на Дону. Будучи уже в преклонном возрасте, он не может найти душевного спокойствия; не дает ему покоя мечта увидеть свои родные места, побывать в далекой марийской деревне, где вырос, где прошли его детство и юность. Ю. Артамонов с помощью пейзажных деталей в сочетании с «внутренними жестами» и «вербальными приемами психологизма» раскрывает психологическую составляющую в описании встречи героя с дорогой ему марийской землей: «Григорий Якимович совсем не чувствовал ветра, ему казалось, что и земля расцвела, покрылась густой зеленой травой – душа его поет, молодеет, обновляется. Идет, выставляя вперед свою палку, сердце поет, глаза, как у обрадованного ребенка, светятся счастьем» [2, с. 197] (при цитировании повестей марийских писателей, здесь и далее перевод на русский язык автора – М. Р.). В представленном тексте основной упор делается прозаиком на собственно-психологические детали, выражающие мощный прилив радости, неимоверное счастье, душевное облегчение вернувшегося через десятки лет в родные места фронтовика. Но описательные детали, в роли психологических: 1) пейзажные – «и земля расцвела, покрылась густой зеленой травой» (в унисон человеческой радости дано яркое пробуждение и цветение в природе); 2) портретные – «глаза, как у обрадованного ребенка, светятся счастьем» служат существенным дополнением, в плане достижения многогранной полноты в изображении внутреннего мира героя или экспрессивного завершения впечатления читателя о его психологическом состоянии.

Более объемную, насыщенную сочными, светлыми элементами пейзажную картину представляет автор в главной части повести, где чуткое внимание главного героя сосредотачивается, казалось бы, на малом, но в то же время на бескрайнем пространстве малой родины: «Открывает не ворота на улицу, а калитку в огород, здороваются с калиной, рябиной, гладит их лицом, руками поглаживая, прощается с ними. Неожиданно оказывается в широком поле. Солнце взошло. Оторвалось от земли, поднялось высоко, висит, сияя большим, красным огнем, согревая своим материнским теплом, будит землю. Григорий Якимович чувствует, как земля тихонько просыпается, вытягивает слегка согретое тело, вдыхает теплый воздух, как без единого звука распускаются язычки травы, как широко раскрываются желтые цветы одуванчика, сверкают серебром-золотом; как с юга дует теплый ветерок, касаясь рукой, всех приветствует, как отсюда и оттуда, брызгая прохладной утренней росой, птицы работяги вылетают из своих гнезд. Все живое пробуждается, набирается сил, обновляет потомство» [Там же, с. 3].

Главный герой повести органически сливается с миром природы, с уголком малой родины, границы времени, пространства словно стираются для него, «он чувствует некую таинственную связь, которая объединяет их друг с другом» [4, с. 119]. По крупницам собирает он частицы живой энергии родной земли, яркое солнце, теплый воздух, брызги прохладной росы успокаивают героя, согревают его сердце. Григорий Якимович душой открывается к постижению красоты родного пейзажа. А через его восприятие природы, которая предстает в описаниях, мы постигаем характер персонажа, его мировоззрение, отношение к окружающему миру и людям.

Так через описание природы в составе косвенной формы психологизма раскрывается один из типов мужского этнического характера – тип мужчины с гражданско-патриотическим началом, с обостренной рефлексией родины.

Подобный тип психологического сознания с раненой, одинокой душой, в связи с оторванностью от родных корней, характерен и для другой повести Ю. Артамонова «Возвращение» / «Сонимаке пеледыш». В центре данного произведения внутренняя жизнь инженера завода Николая Воронцова, уроженца сельской местности, проживающего в городе. Автор знакомит читателей с героем в то время, когда он в середине зимы неожиданно получает отпуск и решает его провести в своей родной деревне, где прошли его детство и юность. Его переполняют противоречивые, разнонаправленные чувства, существующие одновременно или сменяющие друг друга. Так, чувство нежной и тайной радости, душевного подъема, а одновременно легкой тревоги передаются в повести именно с помощью светлых, окрыляющих пейзажных деталей в составе косвенной формы психологического изображения: «Дорога твердая, словно укатана. Идти легко, холод сам несет тебя. Воздух чистый, сухой. Вздохнешь полной грудью, чувствуешь, как будто набрал полный рот ручейковой воды, словно проглотил кусочек льда, по всему телу пробегают мурашки, холодит зубы» [2, с. 4]. Представленные пейзажные детали дополняются психологическими элементами косвенной и суммарно-обозначающей форм, подчеркивающими вторую составляющую внутреннего противоречия – напряжение и печаль: «тудо ушыжым луга» / «в голове помутнения», «сантажымат куптыртылеш» / «морщится лбом», «шинчакомдышыжым ваш уша» / «опускает веки».

Николай, в момент повествования – горожанин, он внимательно присматривается к жизни, к родным уголкам современной деревни, мысленно сравнивает ее с тем, что было в недавнем прошлом, подмечает в ней существенные перемены. Он думает о своей малой родине, которую почти забыл, но где могила его матери, частицей которой реально осознает себя герой. Он размышляет о бессмертии души. Автор выражает взволнованное состояние души героя, прибегая к пейзажным описаниям в составе косвенного психологизма: «Дуб также как и человек растет, крепко встает на землю. Потом расцветает. Поспевают плоды, везде рассеивает желуди, с теплотой следит за своими отпрысками. Но ветер жизни не дает покоя дубу родителю, раскачивает в разные стороны, пригибает ветки к земле, омывает корни, дающие жизненную силу, выводит наружу, без энергии земли они засыхают. Так дуб ищет поддержки, просит помощи, умоляет своих детей. Они его мысли не понимают» [Там же, с. 16]. Чувство тяжести в герое, внутренний драматизм его состояния дополняется в последующих фрагментах за счет привычного для марийской повести сочетания косвенной формы с суммарно-обозначающей формой психологизма. Ему хотелось кричать от душевной боли и тревожащей душу памяти; в тексте так передается это состояние: «Мама, какими слезами ты рыдала? Кто скажет? Может, стены, печка, вы мне подскажите? Вы ведь все видели. – Николаю сильно-сильно захотелось вскрикнуть, пусть сердце взорвется, нисколько не жалко» [Там же].

Николай, перебирая прожитые годы, приходит к выводу, что в свои тридцать лет он не смог по-настоящему найти себя в жизни. Казалось бы, всего он достиг в жизни: у него есть приличная квартира, достойная зарплата. Но в душе – какая-то щемящая тоска и горечь, тревога за современную молодежь.

В отличие от произведений Ю. Артамонова в повести Г. Алексеева «Противостояние» / «Вашпижмаш» представлен несколько иной тип мужчины. Это пожилой человек, долгие годы проживший со своей женой, вырастивший своих детей, на которых он возлагал большие надежды, но не ставший через них счастливым. В повести доминирует грустная интонация, в смысловом плане господствует сожаление по поводу неудавшейся судьбы.

Восприятие героем природы также свидетельствует об эмоциональном напряжении персонажа. Ничего его не радует, для него нет счастья в этом мире. Гармоничная, радужная картина пробуждающейся весенней природы: веселая пара скворцов, яблони в цвету, сочная зелень, создает контраст настроениям, переживаниям героя, вызывая тем самым чувство пронзительной грусти, тоски, пробуждая воспоминания о прошедшей войне, молодости, о первой, незабываемой любви.

Пейзажные описания, посвященные ночному времени суток, где превалируют черные, грозные оттенки, наводят ощущение внутренней напряженности, какой-то тревоги, в голове героя начинают звенеть мысли о смерти, он приходит к выводу «на земле нет ничего вечного, все когда-нибудь заканчивается» [1, с. 54]. Трагедией обрывается судьба пожилого человека, на лоне родных яблонь, не успев вдохнуть свежий природный аромат, он уходит из жизни.

Таким образом, в своих повестях марийские прозаики создают яркие образы особой категории представителей «сильной» половины: мужчин впечатлительных, эмоциональных, с тонкой, одинокой душой. Одни из них по воле судьбы оказываются вдали от родного дома, от родителей, которых уже нет на этой земле, но патриотические чувства: любовь и уважение к своим корням, живут в их сердцах, порожденные противоречия не мешают им осуществить заветную мечту, прикоснуться к частицам малой родины.

Другие мужчины, с надеждой на детей связывают свою судьбу с нелюбимой женщиной, но, не дождавшись поддержки от своих чад, до глубокой старости томятся в дебрях душевного одиночества, утоляя свою печаль горячительными напитками. Так сложившаяся фраза «сильная половина человечества» из-за утери таких важных мужских качеств как решительность, уверенность в себе, теряет свой смысл.

Итак, анализ повестей второй половины XX в. позволяет сделать вывод, что пейзажное пространство, представленное в произведениях марийских прозаиков в виде психологических пейзажных деталей, развернутых пейзажных описаний в составе косвенного психологизма, дополненное суммарно-обозначающей формой психологического изображения, не только отражает представления писателей о месте и времени описываемых событий, но предстает в чувственном, эмоциональном восприятии персонажа, как одно из средств осмысления многогранного внутреннего мира и освоения окружающей действительности, посредством которого создаются основные типы мужского этнического характера, гендерного сознания и поведения.

Список литературы

1. **Алексеев Г. В.** Куку муро ойган: повесть ден ойлымаш-влак (Грустная песня кукушки: повести и рассказы). Йошкар-Ола: Мар. кн. савыктыш, 2010. 304 с.
2. **Артамонов Ю. М.** Кайык ўжын ужата: повесть ден ойлымаш-влак (Когда поет жаворонок: повести и рассказы). Йошкар-Ола: Книгам лукшо мар. изд-во, 1980. 288 с.
3. **Великанова И. В.** Идейно-эстетические функции и поэтика пейзажа в прозе Б. Екимова // Вестник Волгоградского государственного университета. 2006. Сер. 8. Вып. 5. С. 52-58.
4. **Кочнова К. А.** Языковая модель пейзажа А.Чехова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (45): в 3-х ч. Ч. II. С. 117-120.
5. **Кудрявцева Р. А.** Женская личность в художественном пространстве марийского рассказа конца XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 4 (46). Ч. 1. С. 91-94.
6. **Сарсенова И. Ж.** Пейзаж как средство выражения психологических состояний души героев в художественной прозе А. И. Герцена // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. 2013. № 1 (45). С. 250-260.
7. **Себина Е. Н.** Пейзаж // Введение в литературоведение: учеб. пособие / под ред. Л. В. Чернец. Изд-е 2-е, доп. М.: Высшая школа, 2006. С. 264-275.

A LANDSCAPE SPACE IN THE PERCEPTION OF MALE CHARACTERS IN THE MARI STORIES OF THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY

Ryabinina Marianna Vladimirovna
Mari State University
mari.riabinina@yandex.ru

The article is devoted to the consideration of a landscape space in the perception of male characters in the Mari stories of the second half of the XX century, by means of which the complex world of human emotions, thoughts and feelings is revealed. Also the possibilities of the creation of the main types of ethnical character, gender consciousness and behavior are analyzed.

Key words and phrases: the Mari literature; story; landscape space; male character; gender-psychological aspect.

УДК 821.112.2

Авторы статьи сопоставляют интерпретации ведущими медиевистами образа Дитриха Бернского в эпической поэме «Песнь о Нибелунгах» и предлагают ряд наблюдений, основанных на контент-анализе и этимологическом анализе текста. Авторы доказывают, что в отличие от распространенного понимания образа Дитриха как единственного положительного персонажа «Песни», автор поэмы не рисует его носителем высшей морали и не ставит над остальными персонажами в аксиологической или этической перспективе.

Ключевые слова и фразы: «Песнь о Нибелунгах»; «Сага о Тидреке»; Дитрих Бернский; Хаген Тронье; Кримхильда; Этцель; честь; престиж; социальный статус.

Саракаева Элина Алиевна

Хайнаньский государственный университет, КНР
269865292@qq.com

Лебедева Ирэна Валерьевна

Каспийский институт морского и речного транспорта
irenalebedeva@mail.ru

АНАЛИЗ ОБРАЗА ДИТРИХА БЕРНСКОГО В «ПЕСНЕ О НИБЕЛУНГАХ»: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Написанная в начале XIII века «Песнь о Нибелунгах» – величайшее произведение мировой литературы, жемчужина германской эпической поэзии. Интригующий сюжет, тонкая психологическая проработка образов, потрясающий трагизм развязки – все это обеспечило поэме неувядающий интерес среди читателей и ученых исследователей. Содержание поэмы исследовалось методами самых разных научных дисциплин – истории, литературоведения, психологии, лингвистики. Авторы настоящей работы приводят краткий обзор интерпретаций ведущими «нибелунговедом» одного из центральных образов поэмы – Дитриха Бернского и предлагают собственное понимание этого образа, основанное на этимологическом и контент-анализе текста поэмы.

На первый взгляд, образ Дитриха Бернского в поэме предстает безусловно привлекательным: в мире, сошедшем с ума, он единственный сохраняет трезвость и самообладание. Не удивительно, что многим исследователям поэмы Дитрих кажется единственным положительным персонажем, наделенным всеми достоинствами и ни одним недостатком. Берг Нагель называет победу Дитриха над Хагеном в финале поэмы «торжеством высшей морали», а самого Дитриха – представителем рыцарственного христианства [12, S. 262]. Готфрид Вебер видит в Дитрихе воплощение «нового духа», который приходит на смену устаревшему языческому героизму [15, S. 170].

Оригинальную модель предлагает Хьюго Беккер, автор ряда статей и монографии, посвященной литературному анализу «Песни о Нибелунгах». Сравнивая образы бехларенского маркграфа Рюдигера и Дитриха Бернского, Беккер основную разницу между этими персонажами видит в том, какое место в их жизни и менталитете занимает *fröide* – «веселье» [5]. Тогда как многие исследователи согласны, что «веселье» является одним из основных концептов «Песни о Нибелунгах» (наряду с другими, не менее значимыми концептами, такими как *triuwe* «верность», *êre* «честь», *leit* «страдание», *liebe* «любовь», *dienst* «служба», *höher muot* «высокий дух» и пр.) [10], Беккер придает этому понятию ключевое значение в своем анализе образов Рюдигера и Дитриха. С его точки зрения, маркграф Рюдигер просто одержим «весельем», он фактически видит в нем смысл своего существования, и это оказывается ошибочной жизненной стратегией – герой все время предается самообману, игнорируя факты реальности в погоне за «весельем», что в конечном итоге приводит к его гибели. Дитрих же, как полагает Беккер, занимает более уравновешенную позицию – он тоже стремится к «веселью», но не ради удовлетворения собственных эмоциональных потребностей, а в качестве эффективного инструмента поддержания социального баланса [5, p. 246].

Когда бургунды игнорируют его предупреждение об опасности, Дитрих «уходит в себя» и остается там на протяжении всех последующих сцен. Эта отчужденность проистекает, по мнению Беккера, из предыдущего